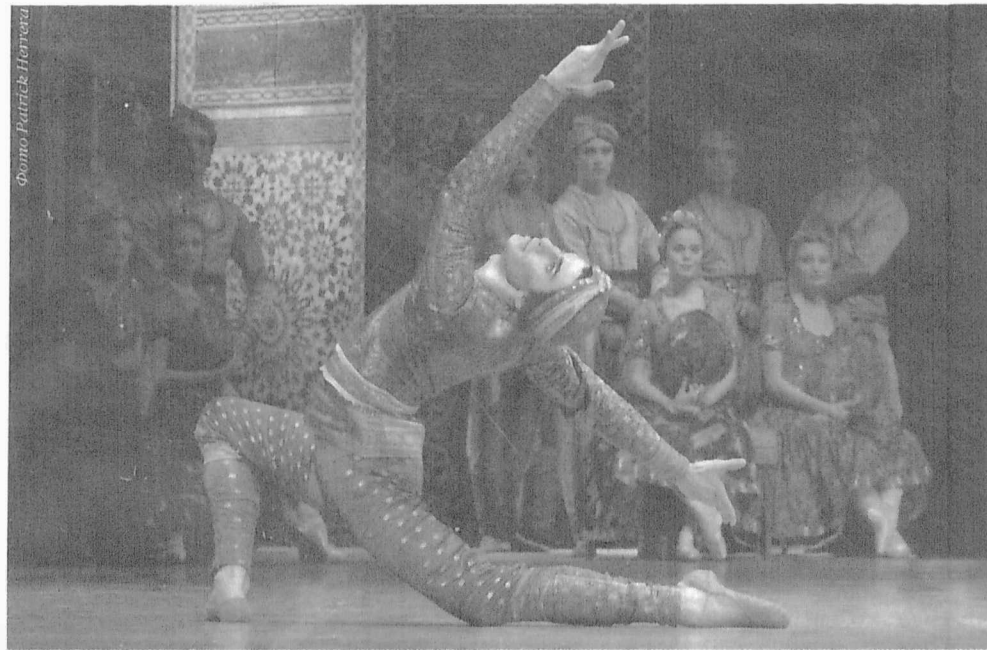

ПАРИЖСКАЯ ОПЕРА В ПОИСКАХ НОВЫХ ЗВЕЗД

Странное ощущение оставили балетные спектакли Гранд Опера нынешней зимой. В то время как на сцене Гарнье шли одноактные спектакли Фокиада, Нижинского, Роббинса и Ли, в Опера Бастий почти ежедневно шла «Баядерка» с нескончаемыми выходами.

Специфический парижский «Петрушка», существующий в основном за счет танцовщиков среднего и сходящего поколения (Кадр Бельярби, Лоран Илер, Изабель Морен, Карин Аверти, Микаэль Денар), эмоционально не имеющий почти никакого отношения к оригиналу, но по своему притягательный — холодной французской игрой, точностью зафиксированных эскизами поз, стилистостью современной транс-крипции. «Послепуденный отдых фавна», наоборот, отдан молодым танцовщикам (Ян Бридар, Стефани Ромберг). Эти постановки, старожилы парижского репертуара хранятся как в купейной камере — несколько заспанные, но технически совершенные.

Многоактная русская классика — «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Раймонда», «Баядерка» — по негласному делению идет в Бастий, так как легко собирает полный зал гигантского театра. Блок из 22 «Баядерок», идущих в этом сезоне друг за другом 2 месяца подряд, направил руководство Оперы в русло поиска «видимых», но еще не названных звезд в своей труппе (сейчас здесь из двенадцати пятых этюдов недостает трех) и приглашения зарубежных артистов. Балетную партию Никки подготовили и ставили три первые танцовщицы — Дельфин Мюссен, изысканная Нимфа, Шехеразада, Мирта, но только не Никки в асте теней; Элеонора Аббальято, с обильным изысканной марафонской бегуны (вместе с палестровым атлетом Никола Ле Ри-

Николай Цискаридзе — Салор

шем она была весьма интересной Нимфой в спектакле Роббинса) и Мари-Анесс Жилло — бриллиант французской школы новой волны: парижане любят ее как петербуржца Ульяну Лопаткину. При почти непреодолимом для балерины препятствии — высоком росте, она уже 12 лет (ей сейчас 26) танцует в труппе, делая из балетного недостатка объект для зависти, легко осваивая любую технику от Петила до Кили-

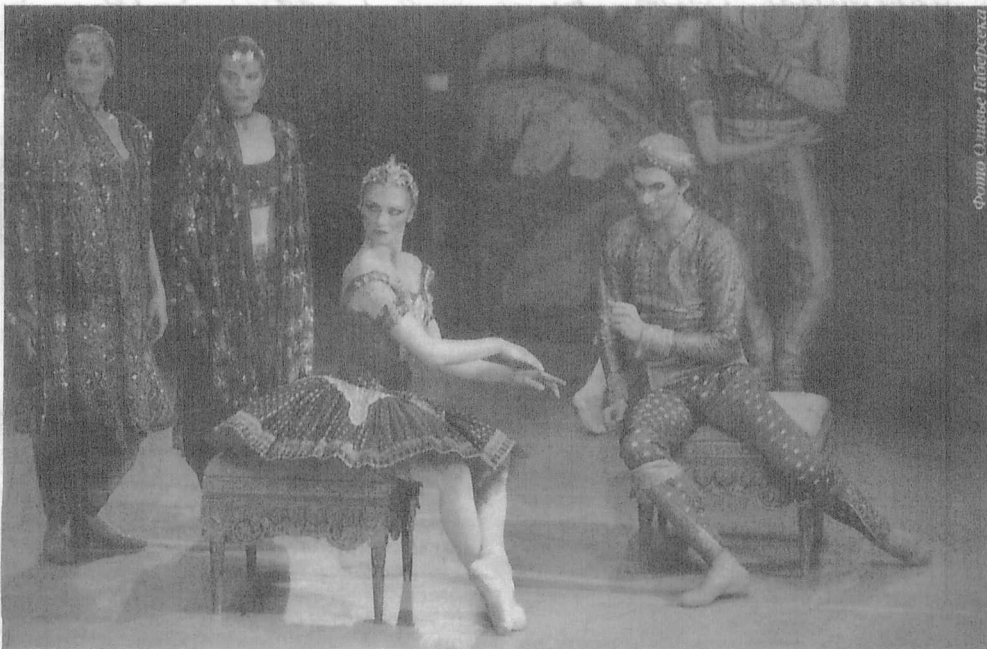
ана. Отсутствие постоянного партнера в Опере, наконец-то компенсировалось в премьерной для нее «Баядерке» удачным союзом с московской этюдой Николаем Цискаридзе, который дебютировал здесь в новой для него пуревской версии любимого балета. Гамзатти танцевала Стефани Ромберг, приоткрывшая роль к этому же блоку спектаклей. В этих дебютных спектаклях с литературным сюжетом очень

остро почувствовалась пропасть между русской и французской театральной школой — доминирующее над пантомимой торжество техники (печально недостижимой былого уровня, особенно у самых молодых танцовщиков) у французов и абсолютная драматическая свобода у представителя московской школы — Цискаридзе. В сцене встречи Баядерки и Гамзатти во дворце, поставленной Нурсевым в прямом «гаремном» стиле, где соперницы синхронно катаются по полу и едва ли не дерутся, холодные француженки, чуждые татарской чувственности хореографа, лишены здесь их копыта — пуантовой техники, комично донгирывают как умеют. Цискаридзе, в необычайно, по сравнению с его московскими спектаклями, сдержанной манере показал парижанам мастер-юаса в духе Художественного театра. Им уже приходилось сталкиваться с подобным феноменом, когда Мариша Семенова в дуэте с Лифарем сыграла в Париже свою феерическую московскую Жизель и была недопонята костной публикой — такого еще никогда не видели. Но *discipulus magistram doctrinam superavit* — Николай заинтриговал своих партнеров и к третьему спектаклю и Жилло и Ромберг вошли во вкус его игры. В целом, обмен вышел очень удачный — помимо огромного успеха у публики Цискаридзе получил дополнение к образованию: курс французской стилистики, которую он не замедлил перенести на свой московский репертуар, а французы смогли научиться у него искусству эффектных антра, изысканных жестов и театральных эмоций. Жаль только, что свет на сцене Парижской Оперы работает в экономном режиме и драмы разыгрывались в слепой полутьме.

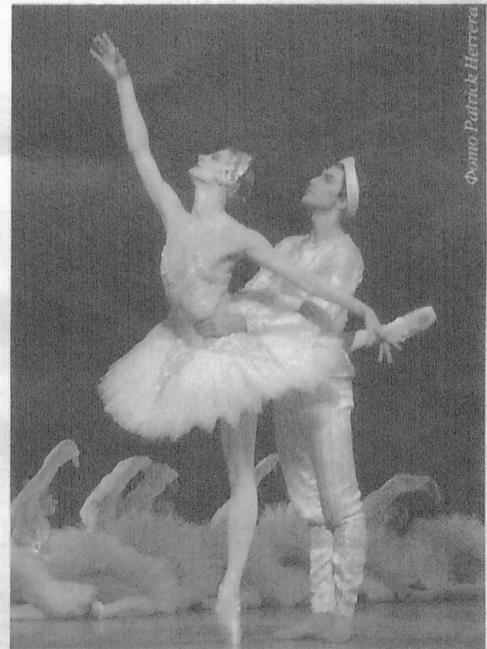
ЕКАТЕРИНА БЕЛЯЕВА

Мари-Анесс Жилло — Никки

Стефани Ромберг — Гамзатти и Николай Цискаридзе — Салор

Мари-Анесс Жилло и Николай Цискаридзе